

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2009
XVIII**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
525
EXPRESS-ISSUE**

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XVIII

Экспресс-выпуск • Express-issue

2009 № 525

СОДЕРЖАНИЕ

- 1983-1985 Владимир Борисович Зимин – 50 лет в науке.
А. В. АРТЕМЬЕВ
- 1986-1996 Поездка в северо-западную Монголию.
В. Ч. ДОРОГОСТАЙСКИЙ
- 1996-1998 Заметки по орнитофауне Северного Устюрта
в осенний период. Ю. А. ДУБРОВСКИЙ.
- 1998-1999 Осенняя встреча лебедя-шипунa *Cygnus olor* на
Большом Алма-Атинском озере
(Заилийский Алатау).
Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 1999-2002 Гнездование чёрного дрозда *Turdus merula*
и белобровика *T. iliacus* на Западном Алтае.
В. П. МИЩЕНКО, Р. Ж. БАЙДАВЛЕТОВ
- 2002-2003 Новое в распространении клинтуха
Columba oenas в Узбекистане.
Р. Н. МЕКЛЕНБУРЦЕВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XVIII
Express-issue

2009 № 525

CONTENTS

- 1983-1985 Vladimir Borisovich Zimin – 50 years in science.
A. V. ARTEMIEV
- 1986-1996 Trip round North-Western Mongolia.
V. Ch. DOROGOSTAIKY
- 1996-1998 Notes on autumn avifauna of Northern Ustyurt.
Yu. A. DUBROVSKY
- 1998-1999 Autumn record of the mute swan *Cygnus olor*
on the Lake Bolshoe Alma-Atinskoe,
Transilian Ala Tau. N. N. BEREZOVIKOV
- 1999-2002 Breeding of the blackbird *Turdus merula*
and redwing *T. iliacus* in Western Altai.
V. P. MISHCHENKO,
R. Zh. BAIDAVLETOV
- 2002-2003 New data on distribution of the stock pigeon
Columba oenas in Uzbekistan.
R. N. MEKLENBURTSEV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Владимир Борисович Зимин – 50 лет в науке

А.В.Артемов

Учреждение РАН Институт биологии Карельского НЦ РАН, ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск, 185910 Республика Карелия, Россия. E-mail: artem@karelia.ru

Поступила в редакцию 11 ноября 2009

В 2009 году ведущий орнитолог Карелии Владимир Борисович Зимин отметил 50-летний юбилей трудовой деятельности. 31 августа 1959 года, после окончания Ленинградского государственного университета, где он специализировался на кафедре зоологии позвоночных, Владимир Борисович поступил на работу в заповедник «Кивач», относившийся тогда к Карельскому филиалу АН СССР. В заповеднике он проработал до 1967 года, затем перешел в Институт леса, а в 1970 году – в Институт биологии Карельского филиала Академии наук СССР, где и трудится до настоящего времени. Менялись должности, названия организации (теперь это Карельский научный центр РАН), но не менялась верность В.Б.Зимины орнитологии, и не угасал его интерес к исследованиям птиц. По широте кругозора и области научных интересов он относится к редкой в наше время категории учёных-энциклопедистов, а по отношению к своей работе его можно назвать хроническим трудоголиком. Своей поразительной трудоспособностью он подавал и подаёт пример истинного и бескорыстного служения науке. У нас, его учеников и коллег, сложилось впечатление, что он работает буквально круглые сутки. Во время экспедиционных работ он с рассвета до заката был на ногах, а вечером, при свете ночника ещё долгое время что-то писал в свои тетради...

Большой творческий потенциал, многосторонние интересы, любовь к науке, трудолюбие и творческий подход к делу принесли свои плоды, и теперь Владимир Борисович – высококвалифицированный специалист орнитолог, пользующийся заслуженным уважением в широких кругах как отечественных, так и зарубежных учёных.

Круг научных интересов Владимира Борисовича широк и многообразен: он является признанным специалистом в различных направлениях популяционной биологии и экологии: биоценологии, изучения годовых циклов и миграций, управления численностью и размещением птиц, природопользования и охраны природы. В области орнитологии он разработал ряд научных гипотез, в том объясняющих вариабельность величины кладки и сроков размножения, возникновение полициклического размножения и полигинии, пути преодоления дефицита времени в годовом цикле птиц, обитающих на северном пределе своего

распространения. Применение методов популяционной экологии при фаунистических исследованиях позволило ему создать оригинальную теорию формирования границ ареалов у птиц, разработать метод ранней диагностики неблагополучия вида на основе мониторинга периферийных популяций. Детальное изучение требований разных видов к среде обитания положено в основу его разработок по привлечению, управлению численностью и охране птиц.

Владимир Борисович Зимин заложил основы развития популяционной экологии птиц в Карелии, собрал и возглавил группу орнитологов в лаборатории зоологии Института биологии КНЦ РАН. За долгие годы работы он создал свою научную школу, воспитав целое поколение орнитологов и специалистов-биологов. Под его руководством защищено 7 кандидатских диссертаций, а при защите 2 докторских он выступал научным консультантом. Он всегда щедро делился идеями и охотно приходил на помощь коллегам при решении трудных задач. Многие идеи и гипотезы В.Б.Зимины получили дальнейшее развитие в работах его учеников и соратников.

По материалам исследований В.Б.Зимин опубликовал более 200 научных работ в различных отечественных и международных изданиях, в том числе 10 монографий. Он является автором более 100 оригинальных методов привлечения, отлова, прижизненного изучения и мечения птиц. На 17 из них получены авторские свидетельства об изобретении.

В течение многих лет В.Б.Зимин руководит и участвует в выполнении исследований по многочисленным научным проектам и грантам РАН, РФФИ, Роснауки, Совета министров Северных стран, Правительства Республики Карелия, Всемирного фонда дикой природы, Министерства окружающей среды Финляндии и др., регулярно выступает с докладами на российских и международных научных конференциях по проблемам экологии и орнитологии.

В.Б.Зимин активно сотрудничает с иностранными специалистами, участвует в совместных проектах по изучению экологии и миграций птиц. Он состоял постоянным членом Прибалтийской орнитологической комиссии по изучению миграций птиц (1960-1990), входит в состав международной Рабочей группы по гусям и лебедям, международных рабочих групп по писккульке и изучению миграций арктических птиц, является ответственным редактором ряда монографий и сборников, членом редакционной коллегии журнала «Avian ecology and behaviour», рецензирует орнитологические статьи в «Зоологическом журнале». Владимир Борисович Зимин активно участвует в разработке сети охраняемых природных территорий на Северо-Западе России и теоретическом обосновании их организации. Большое внимание он уделяет пропаганде идей охраны природы, используя воз-

возможности местных и общероссийских средств массовой информации.

Научную деятельность Владимир Борисович успешно сочетает с педагогической. Более 10 лет он читал курс лекций «Орнитология» в Петрозаводском государственном университете. Он практически ежегодно руководит курсовыми и дипломными работами студентов местных и иногородних ВУЗов. Под его руководством проходила практика французских студентов Высшей экологической школы (Париж).

Во время работы проявились и его незаурядные организаторские способности, чему в немалой степени способствовали умение легко находить контакты с людьми, природная скромность и простота в общении, инициатива и энтузиазм в новых начинаниях. В 1968 году Владимир Борисович Зимин вместе с орнитологами Ленинградского университета и Зоологического Института АН СССР Георгием Александровичем Носковым и Татьяной Ильиничной Блюменталь организовал орнитологическую станцию на юго-востоке Ладожского озера, в заброшенной деревне Гумбарицы. Там были установлены большие рыбачинские ловушки и организованы круглогодичные работы по изучению миграций, экологии и поведения птиц. Теперь это всемирно известная Ладожская орнитологическая станция Санкт-Петербургского университета, расположенная на территории Нижнесвирского государственного заповедника, также созданного по инициативе учёных биолого-почвенного факультета Ленинградского университета. В 2008 году станция отметила своё 40-летие.

В 1968 году в Прионежье совместно с сотрудником Института леса И.А.Кузьминым он основал Шокшинский стационар Карельского филиала АН СССР, где до 1978 года велось комплексное изучение влияния гербицидов на природные экосистемы. В 1979 году вместе с коллегами он основал на восточном берегу Ладоги, в урочище Маячино, орнитологический стационар Института биологии Карельского НЦ РАН. По сегодняшний день здесь ведутся долгосрочные пуляционно-экологические исследования многих видов птиц.

Сейчас Владимир Борисович продолжает работу в Институте биологии в должности главного научного сотрудника; он доктор биологических наук, профессор. Ему присвоены почётные звания: Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный изобретатель Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Карельской АССР. Владимир Борисович полон творческих планов и, несмотря на солидный возраст, продолжает активную научную деятельность. Недавно он сдал в печать свою очередную книгу и работает над новой рукописью.

Поездка в северо-западную Монголию

В. Ч. Дорогостайский

*Второе издание. Первая публикация в 1908**

Вернувшись из первой своей поездки в Монголию осенью 1905 года, я обратился в Императорское русское географическое общество с просьбой командировать меня в северо-западную Монголию с научной целью. Главной задачей я ставил зоологические и ботанические исследования и съёмку местности. Весною 1907 года мои планы осуществились, и я получил возможность отправиться в давно задуманное путешествие. Вся весна этого года прошла в сборах в путь, в закупке вещей, необходимых для экспедиции, лошадей, сёдел и прочего снаряжения каравана и в подыскании спутника, переводчиков и рабочих. При выборе последних я остановился на казаках из пограничной с Монголией полосы Иркутской губернии, знающих монгольский и бурятский языки, и с этою целью при любезном содействии управляющего канцелярией генерал-губернатора В.А.Попова я обратился к командующему войсками Восточно-Сибирского военного округа генерал-лейтенанту Селиванову с просьбой прикомандировать ко мне двух или трёх казаков. На моё ходатайство не только последовало разрешение, но ещё было предложено командировать со мной в северо-западную Монголию офицера Генерального штаба для военно-стратегических целей. Мне ничего не оставалось, как только благодарить судьбу за такой исход дела. Таким образом, со мною был командирован капитан Генерального штаба Виктор Степанович Михеев, и состав нашей экспедиции оказался следующим: я, капитан Михеев, В.Е.Попов, мой помощник по части коллектирования, и четыре казака: Зверев, Шубин, Халкин и Церенов. В переводчиках надобности не оказалось, так как все четверо казаков знали монгольский язык. В качестве помощника на охоте и сторожа я взял с собой ирландского сеттера-суку по кличке Азу.

В первых числах мая капитан Михеев и казаки выехали в село Тунку – место окончательных наших сборов в путь; я же мог выбраться из Иркутска лишь 16 мая. При любезном содействии местного купца В.А.Шпигеля всё снаряжение экспедиции было готово в несколько дней, и 20 мая мы получили возможность тронуться в путь. Весь караван состоял из 7 верховых и 10 вьючных лошадей, большинство из

* Дорогостайский В. 1908. Поездка в северо-западную Монголию (Краткий отчёт о путешествии, совершённом летом 1907 г., по поручению Императорского Русского Географического Общества) // *Изв. Импер. РГО* 44, 5: 233-246 (ред. Н.Н.Березовиков).

которых были монгольские. Вьюки были по 4 пуда, сёдла местного типа, очень легкие, с потниками из войлока, разрезанными по середине, чтобы спину лошади оставить открытой.

Распрощавшись с гостеприимной семьёй В.А.Шпигель, часов в 12 дня 20 мая мы выступили в путь. До границы, т.е. до Молдинского миссионерского стана, мы шли по сравнительно хорошей дороге при чудной погоде. Весна была в полном разгаре: всюду пестрели первые весенние цветы, летали бабочки и другие насекомые, пели птицы. На Тункинских гольцах белели пятна снега и с окрестных гор с шумом неслись вешние воды. Весь путь до границы мы совершили в три дня и утром 23 мая вступили в Монголию, на целое лето простившись с родными местами. Монголия встретила нас весьма неприветливо, как и в первое моё путешествие, т.е. ветром и дождём пополам со снегом. Направо от нашего пути изредка показывался из-за быстро мчавшихся туч величественный Мунку-Сардык, почти весь покрытый снегом, вдали виднелась необозримая ширь озера Косогол.

При выработке плана работ мы с В.С.Михеевым решили, где только возможно идти не вместе, а параллельными маршрутами. Пройдя вёрст десять от границы, мы впервые могли привести наше намерение в исполнение: весь караван с В.С.Михеевым и В.Е.Поповым пошёл по восточному берегу Косогола, а я, налегке, с одним казаком без вьючной лошади, решил обогнуть озеро по западному берегу. Мне было известно, что часть западного берега Косогола от реки Улая до реки Харасу не была снята на карту ни одним из путешественников; и это обстоятельство особенно усугубляло моё желание отправиться в «отдельное плавание». Отделившись от каравана, мы весь день шли вдоль берега Косогола, любуясь чудными видами на скованное ещё льдом озеро и окрестные горы. Погода стояла переменчивая: то подует холодный северный ветер и хлопьями посылает снег, то вдруг заблестит солнце. Пролётной дичи на озерах и заливах Косогола, уже частью освободившихся ото льда, была масса: кругом слышалось гоготанье гусей, свист крыльев уток всевозможных пород, хохот чаек, белыми пятнами выделявшихся на тёмно-синей поверхности воды. На краях льдин важно восседали бакланы *Phalacrocorax carbo*, поджидая себе на обед зазевавшихся хариусов. По степи всюду виднелись неуклюжие фигуры тарбаганов *Arctomys sibiricus*, быстро исчезающих в свои норы, когда кто-нибудь подъезжал к ним слишком близко. По берегам речек сидели орлы-рыболовы *Haliaeetus leucoryphus*. Одним словом, кругом была чудная картина пробуждения весны в девственной, нетронутой ещё руками человека природе.

На следующий день мы миновали полуостров Долон-ула и пошли вдоль берега озера по грязной тропе, проложенной в густом лиственном лесу, покрывающем крутые в этом месте берега Косогола. В речках, бе-

гущих с гор, круто обрывающихся в озеро, была масса рыбы, особой породы хариусов, так называемых «балёганов», отличающихся от обыкновенного хариуса меньшим ростом и тёмной окраской тела. Нам не составляло большого труда наловить себе на уху штук 20 жирных рыбин острогой, наскоро состряпанной из гибкой палки и подковных гвоздей.

Пробуждение природы на Косоголе значительно запаздывает в сравнении с долиной реки Иркут, где, например, к 25 мая альпийская роза *Rhododendron dahuricum* была вся в цвету, а на Косоголе ещё и не распускалась; что касается птиц, то их была масса, как на самом озере, так и в прибрежных лесах, и с утра до вечера гремели мои выстрелы, нарушая дивную тишину монгольской тайги и принося много интересных экземпляров то для науки, то для стола. Тут мне пришлось встретить гагару чернозобую *Colymbus arcticus*, чёрного турпана *Fuligula fusca*, сибирскую чечевицу *Carpodacus roseus*, каменного дрозда *Monticola saxatilis* и др. Красные турпаны [огари – *ped.*] *Tadorna rutila* встречались почти на каждом шагу – это самая обыкновенная утка Монголии – и были настолько неосторожны, что подпускали к себе на несколько шагов. Бабочки и другие насекомые пока отсутствовали. В этой части Косогола жителей нам почти не попадалось; только однажды мы встретили семью монгола-скотовода, всё богатство которого состояло из нескольких быков-сарлыков с длинной, чуть не до земли шерстью и громадными рогами, да десятка коз и лошади. Как ни жалок был этот номад, грязный и оборванный, но это ещё не последний бедняк: у него, по крайней мере, была лошадь; дальше в Монголии мы встречали и таких, у которых кроме 5-10 коз ничего не было.

28 мая дремучий лес кончился, и мы выехали в широкую долину реки Эгин-гол около его истока из озера Косогол. 29 мая пришёл наш караван, что было очень кстати, так как весь провиант у нас вышел и мы сидели на супе из турпанов и чае без сахара. После днёвки, охотничьих экскурсий в горы, мы тронулись в дальнейший путь на юг по направлению к озеру Силин-долей, ближайшей цели нашего путешествия. Громадные горы кончились и наш путь пролегал по холмистой местности, сначала долиной реки Эгин-гол, а затем отвернул вправо. Лес встречался кое-где и то только на северных склонах гор. Начались типичные монгольские пейзажи: небольшие лиственничные рощицы, сухие долины с высохшими руслами речек, небольшие солевые и пресные озерки и т.п. Жители встречались довольно часто и в баранах недостатка не было. На биваке у нас вечером пылал большой костёр, жарился шашлык и обыкновенно сидел в качестве незваного гостя какой-нибудь из окрестных монголов. Погода всё время стояла чудная, и коллектирование по всем отраслям естествознания шло во

всю: я и мой помощник В.Е.Попов обыкновенно несколько опережали караван и обшаривали каждое интересное местечко по пути. Тут пришлось мне встретить и добыть много интересных птиц; например, белоголового гуся *Anser indicus*, белокрылого монгольского жаворонка *Melanocorypha sibirica*.

1 июня мы подошли к солёному озеру Ерхиль-нур, где я добыл для коллекции красивую утку-пеганку *Tadorna cornuta*, гнездящуюся обыкновенно в норах тарбаганов, и ещё много разной мелочи. Берега озера очень топкие и издают сильный запах сероводорода. По мелким заливам важно расхаживали шилоклювки *Himantopus avosetta*,— обыкновенные птицы солёных озёр,— но на выстрел не подпускали.

3 июня по узкому ущелью мы спустились к реке Тельгир-Морин. Характер флоры и фауны резко изменился: появилась монгольская берёза *Betula* sp. с жёлтым стволом и мелкими листьями, тополь, карагана *Caragana arborescens* и *C. bungei* и другие растения; по крутым склонам гор летали горные чеканы *Saxicola* sp., каменки *Saxicola oenanthe*, каменные дрозды *Monticola saxatilis*, альпийские воробьи *Pyrhocorax graculus* var. *orientalis*, горные овсянки *Emberiza* sp. и др.

На реке Тельгир-Морине нас ожидал весьма приятный сюрприз: мы встретили двух русских, возвращавшихся из города Улясутая в Иркутск; таким образом, явилась возможность послать о себе известие домой. Переправа через реку Тельгир-Морин заняла у нас часа 4 времени; лошадей пустили вплавь, а сами переехали на весьма оригинальных долблёных лодках, соединённых попарно для большей устойчивости, на них же перевезли и весь багаж. Южные берега Телгир-Морина имеют точно такой же характер: отвесные скалы, узкие долины, иногда переходящие в ущелья, та же флора и фауна. Тут нам попадалось много монгольского дикого лука, по качествам ничем не отличающегося от культурных сортов этого растения. На этом переходе, весьма трудном для лошадей, но очень интересном для нас, мне удалось собрать весьма богатый орнитологический материал, например, здесь я убил каменного воробья *Petronia petronia*, несколько горных дроздов *Monticola saxatilis*, бородатую куропатку *Perdix dahurica*, несколько чеканов и др. По склонам долины, по которой мы поднимались, в камнях посвистывали пищухи *Lagomys alpinus*, обеспокоенные нашим появлением, изредка выскакивали монгольские зайцы *Lepus tolai* и быстро убегали в скалы. По уверениям монголов, здесь встречаются улары – горные индейки *Tetraogallus* sp.?, но добыть или даже наблюдать эту интересную птицу нам не пришлось.

Переночевав в одном горном ущелье, мы 4 июня к полудню выбрались из лабиринта ущелий и гор на высокое плато, связующее хребет Балкан с горной системой реки Тельгир-Морин; на этом плато разбросано много пресных и солёных озёр, среди которых самым большим

является озеро Сангин-далай. К нему мы подошли ранним утром 5 июня. Тут мы снова разделились и обошли озеро кругом, чтобы точнее снять его на карту. На Сангин-далае мы провели несколько дней, чтобы откормить наших лошадей на чудных горных лужайках, покрытых целым ковром цветов, из которых бросаются в глаза ярко-оранжевые сибирские купальницы *Trollius sibiricus*. Вода в озере горько-солёная, почти негодная для питья, и содержание соли, очевидно, так велико, что никакой органической жизни не наблюдается, конечно, нет и рыб, что подтверждали и окрестные монголы. Птиц на озере очень мало, что весьма понятно, — за 3 дня мне пришлось заметить лишь один табун гусей да пару уток-нырков *Fuligula* sp., зато окрестные леса и горы одарили нас весьма интересными орнитологическими сборами. Высота озера Сангин-далай над уровнем моря, определённая гипсотермометром и anerоидами, равнялась в грубых цифрах — 6200 футов.

7 июня вечером мы распрощались с этим интересным озером и отправились к горам Балнай, чтобы подробнее исследовать верховья реки Тес, одной из самых больших внутренних рек северо-западной Монголии. Ночь с 7 на 8 июня мы провели на большом пресном озере по имени Канды-нур (или Ганды-нур), замечательно красивом и рыбном. В поставленную на ночь сеть нам попало штук 30 довольно крупных рыб из семейства карповых, довольно оригинальной наружности. Это была так называемая горная плотва *Oreoleuciscus ignatovi* (Nik.). На озере я убил чёрного аиста *Ciconia nigra*, журавля-красавку *Grus virgo*, двух кроншнепов *Numenius arquatus lineatus*, гуся *Anser segetum* и ещё несколько штук разной мелкоты. На следующий день утром мы тронулись к истокам Теса. Верховья этой реки представляют весьма красивую картину: среди широкой долины с едва заметным уклоном к западу расположено множество мелких пресных озёр круглой формы, весьма густо населённых разного рода водоплавающими птицами. Эти озёрки, как мне кажется, и служат главными источниками, питающими реку Тес в верхнем течении. Само русло Теса сухое; лишь кое-где в глубоких ямах встречается вода, течение же заметно лишь в 20 верстах от истока и то, очень слабое.

Этот переход был очень легким для лошадей, и к вечеру мы дошли до заимки русского купца Ивана Григорьевича Боброва, знакомого мне ещё по первому путешествию. Нечего говорить, что здесь ожидало нас радушное гостеприимство до жаркой бани включительно. Проведя у наших соотечественников дня два, которые целиком пошли на приведение в порядок наших коллекций, мы отправились дальше долиной Теса. Ближайшей нашей целью теперь был Ванчай-хурэ, буддийский монастырь, главный религиозный и административный центр этой части Монголии. Караван пошёл кратчайшим путём, а я с В.С.Михеевым решил заехать на интересное солёное озеро по имени Буст-нур,

что значит «кольцо-озеро». Это имя оно получило за то, что посредине озера находится остров, который со всех сторон окружён водою. Путь на озеро Буст-нур пролегал по степи, раскинувшейся по притоку Теса – Джеремтаю. Дичи кругом было множество: по степи важно разгуливали дрофы *Otis dybowskii*, журавли разных видов – *Grus virgo*, *G. cinerea*, *G. leucauchen* [= *Grus vipio* – прим. ред.], утки и гуси разных видов, кулики, чибисы и т. п. попадались на каждом озерке. На озере Буст-нур мы поймали точно таких же рыб, как и в озере Канды-нур – *Oreoleuciscus ignatovi* – несмотря на то, что вода в этом озере была очень солёная. Очевидно, горная плотва обладает большою приспособляемостью к разным условиям жизни. С Буст-нура мы прямою дорогою через горы проехали в Ванчай-хурэ, где и соединились с нашим караваном.

Ванчай-хурэ, один из самых больших буддийских монастырей северо-западной Монголии, расположен среди голой степи на реке Тес. Кругом храмов, построенных в китайском стиле, расположены отдельные дворы лам. Около монастыря живёт главный начальник северо-западной Монголии, родовой монгольский князь Да-ван, получающий власть от китайского правительства и зависимый непосредственно лишь от улясутайского губернатора или дзянь-дзюня. Мои спутники решили сделать визит этому сановнику, а я, минуя уже знакомый мне Ванчай-хурэ, отправился с караваном вниз по Тесу. Вечером мои товарищи по путешествию догнали караван, довольные приёмом вана и получив от него «пропускную грамоту», хотя в ней особой надобности и не предвиделось.

15 июня мы вступили в ельники, которые тянутся узкими полосами по обоим берегам Теса. Эти леса замечательно красивы и полны всякого рода птицами и другими животными. Тут я, между прочим, встретил варакушку *Erithacus suecicus*, белоголовую овсянку *Emberiza leucosephala*, длиннохвостого снегиря *Uragus sibiricus*, клеста елового *Loxia curvirostra*, скворца *Sturnus menzbieri*, сорокопутов *Lanius* sp., несколько видов славок и пеночек *Sylvia* и *Phylloscopus* sp. и много других интересных птиц. Обильный сбор требовал остановки и мы решили прожить в этом чудном местечке несколько дней. Кроме того, один из случайных наших гостей монголов предлагал провести нас в степь и угостить охотой на дзеренов *Antelope gutturosa*. Охота эта вышла довольно удачной: мне удалось убить из винтовки двух дзеренов и, кроме того, познакомиться с нравами этих грациозных антилоп. Возвращаясь с охоты, я добыл чудный экземпляр розового скворца *Pastor roseus*, птицы довольно редкой в этих местах, как говорили мне монголы.

19 июня мы тронулись дальше, рассчитывая подняться по реке Дзаингыл и перевалить через хребет Танну-Ола. Первая половина

пути никаких трудностей не представляла, и через два дня мы были уже у самого перевала через хребет, где и сделали днёвку, чтобы пополнить наши коллекции и произвести кое-какие наблюдения над высокогорной фауной и флорой. Тут во множестве встречались нам белые куропатки *Lagopus albus* и горные тетерева *Lagopus mutus*. В утренние и вечерние зори слышалось токование бекаса-отшельника *Scolopax solitaria*. Среди зарослей полярной берёзки я встретил горных щевриц *Anthus spinoletta*, тростниковых овсянок *Emberiza passerina* и ещё каких-то птичек, точное видовое название которых пока сообщить не могу. Бабочек и других насекомых было очень мало; зато весьма интересные виды, не встречавшиеся ещё нам в пройденном пути.

21 июня пошёл снег, кругом всё побелело, как зимой, ночью же ударил небольшой морозец (минус 2.8°C). 23 июня мы перевалили Танну-Ола и по реке Цохиуртай, а затем по Балытки-голу вышли к озеру Тери-нур у его западного конца. Спуск по северному склону хребта Танну-Ола был страшно труден, лошади наши сильно устали, и волей-неволей пришлось сделать продолжительную остановку, что было весьма кстати, т. к. на озере разной птицы была масса и, таким образом, предвиделся богатый орнитологический сбор.

Такого озера, каким Тери-нур изображен на 40-вёрстной карте, собственно, нет. Всё озеро сосредоточено в западной части той громадной котловины, куда мы спустились, и тянется в длину вёрст на пять, не более, при ширине версты в две, всё же остальное пространство занято сплошным непроходимым болотом, пронизанным массой протоков и рукавов и покрытым сырым и густым лесом. На одном из островов находятся развалины какой-то крепости, очевидно, китайской. 28 июня мы снялись с бивака и отправились к истоку реки Хакем. Попытка объехать озеро с двух сторон, а также пройти вдоль самого его берега не удалась, т.к. берега Тери-нура страшно болотисты. 29 июня вечером, после двухдневного шлёпанья по грязи, мы наконец подошли к истоку Хакема. Дождь, шедший почти всё время, пока мы стояли на озере Тери-нур, не прекращался. Не было решительно никакой возможности обсушиться самим и высушить отсыревшие коллекции. Около истоков Хакема мы впервые встретили обыкновенную белую берёзу *Betula alba*, до этого времени нам не попадавшуюся и некоторые другие растения сибирской флоры. Фауна северных склонов Танну-Ола также близка к сибирской: например, тетерев-косач *Tetrao tetrix* и обыкновенный глухарь *Tetrao urogallus* встречались нам почти на каждом шагу, ранее же мы их не находили. Очевидно, Танну-Ола является южной границей географического распространения этих птиц. Вообще нужно сказать, что хребет Танну-Ола, помимо того значения, какое он имеет в географическом распространении животных и растений, является еще одной из самых крупных орографических

единиц северо-западной Монголии, пожалуй, более важной, чем Саяны. Служа водоразделом между котловиной озера Убса и бассейном великой сибирской реки Енисея, Танну-Ола является естественным продолжением того горного кряжа, который тянется по западному берегу озера Косогол и через горный узел Мунку-Сардык продолжается на северо-восток, переходя в Тункинские гольцы.

1 июля мы отправились в дальнейший путь, рассчитывая пройти долиной реки Ха-кхем и, поднявшись по одному из его правых притоков, перевалить в систему реки Бей-кхем. Мы имели несчастье поверить картам, где долина Ха-кхема показана широкой и удобно проходимой, и не взяли проводника, из-за чего чуть не погубили всего каравана. Первые же две версты по Ха-кхему показали нам воочию, как карты расходятся с действительностью: долина Ха-кхема представляла весьма узкое ущелье, заросшее густым еловым и лиственничным лесом; никакого намёка на тропу не было, всюду лишь встречались следы зверей. Пришлось в первый раз пустить в ход наши топоры и прорубаться через тайгу. С великим трудом пройдя эти несчастные две версты, мы упёрлись в отвесную скалу, которая окончательно преграждала нам путь. Ничего не оставалось другого, как вернуться назад и постараться обойти эту скалу, что с великим трудом и удалось; на обход потратили целый день. На завтра та же история: сначала двигались долиной Ха-кхема, но через некоторое время опять преградили путь отвесные скалы, которые приходилось обходить. Обходный путь был всегда очень труден, как для лошадей, так и для нас самих, так как горы были ужасно круты и покрыты могучим кедровым и лиственничным лесом, почти сплошь заваленным гниющими стволами деревьев, сверху прикрытыми мхом и вереском. Несмотря на все трудности пути, мы всё же держались долины Ха-кхема, рассчитывая, что она наконец расширится и станет проходимее. Пробовали идти гребнем хребта, тянувшегося вдоль Ха-кхема, и сначала этот путь был довольно удобен, но потом сделался очень болотистым и каменистым; это странствование по гольцам, за пределами лесной растительности, несмотря на все трудности, было для меня весьма интересным, так как здесь мне пришлось услышать токованье бекаса-отшельника *Scolopax solitaria* и впервые добыть несколько экземпляров этой интересной птички. Кроме того, наша коллекция обогатилась некоторыми представителями высокогорной фауны, как например, кречёткой *Chettusia gregaria* [вероятнее всего, имела место встреча с хрустаном *Eudromias morinellus* – прим. ред.], коньком *Anthus* sp., массой бабочек из семейства медведиц *Arctia*. Гербарий также значительно пополнился горными растениями. Само собою разумеется, движение по таким диким местам совершалось весьма медленно, не более 6-8 вёрст в день; таким образом, лишь на 10-й день мы вышли к устью реки Шишкит (Хы-

сыл). Надо заметить, что несчастья сыпались на нашу голову со всех сторон: однажды две лошади, вёзшие сухари, упали с кручи в реку и подмочили оба вьюка, после чего мы остались без сухарей. Высушить сухарную гущу не было никакой возможности, так как погода всё время стояла дождливая. Консервы были на исходе, но, к счастью, дичь пока попадалась в изобилии, и мы лакомились супом из глухарей, белых куропаток и т.п.; однажды даже одному из казаков удалось убить марала, из которого мы и сделали запас провианта на несколько дней. На устье Шишкита мы встретили двух урянхайцев-промышленников, которые так напугались, что удрали, не дав себя расспросить о дороге, о жителях, о провианте и, таким образом, мы опять были предоставлены своим собственным силам. Дальнейший путь ничем не отличался от пройденного: мы медленно и с трудом двигались вниз по Ха-кхему, долина которого и не думала расширяться, как мы ожидали. Если встречались отвесные скалы, мы их обходили, углубляясь в горы или отыскивали брод через реку, вода в которой, к нашему благополучию, была небольшая. Во время этого пути мы потеряли одну лошадь, которая не вынесла непосильной работы и пала; остальные лошади также сильно разбились, особенно ногами, и у меня порой терялась надежда на благополучный исход экспедиции. Два раза пробовали мы выбиться из долины Ха-кхема, рассчитывая попасть на скотопрогонный путь, идущий южнее Ха-кхема, но оба раза неудачно: отвесные скалы преграждали нам дорогу и заставляли вернуться в долину Ха-кхема, которая становилась все уже и уже. Отвесные скалы превратились мало по малу в сплошные каменные стены с той и другой стороны Ха-кхема и лишь у самой воды оставалась небольшая полоска земли, по которой нам и приходилось с великими трудностями двигаться вперёд. К довершению всех зол дичь стала встречаться очень редко, пришлось порядком голодать и два раза доходило уже до того, что одна из наших вьючных лошадей была обрекаема на заклание, но каждый раз что-нибудь спасало бедное животное от казни: один раз казаки убили козу, другой – я трёх гусей. Наконец, последние дни пришлось питаться ягодами и грибами и даже есть ястребков, сов и прочую дрянь, так как дичи не было совершенно.

22 июля вечером мы вдруг увидели на другой стороне реки двух урянхайцев [тувинцев – прим. ред.]. Все воспрянули духом. Сейчас же вступили в переговоры, но, как оказалось, радовались напрасно, так как отдельных слов нельзя было разобрать из-за шума бурной в этом месте реки. Покричали с полчаса, но ничего понять не могли. 23 июля мы опять увидели урянхайцев и опять ничего не узнали. Положение наше становилось критическим: двигаться дальше было нельзя, мешали скалы и тайга, брода не было, лошади выбились из сил, сами мы, сидя на грибах и ягодах, также порядком отощали. Часть вещей мы

давно уже бросили, чтобы облегчить вьюки и, между прочим, пришлось расстаться с петрографической коллекцией, как с грузом довольно тяжёлым. Нам ничего не оставалось, как попробовать переправиться на другой берег – всё же там ездят люди, – для чего мы решили построить плот. Весь день 24-го июля у нас ушел на постройку плота: к вечеру плот был готов и в тот же день мы благополучно переправились на другой берег Ха-кхема, лошадей же перегнали вплавь. 25 июля с пустыми желудками мы отправились по следам урянхайцев по хорошей вьючной тропе. Близость жителей чувствовалась не только нами, но, должно быть, и лошадьми, которые быстро зашагали по ровной дороге. Не проехали мы и 10 вёрст, как нас догнала компания урянхайцев, среди которых были и виденные нами вчера. Кое-как объяснили урянхайцам, что мы голодны и договорились о баранах, молоке и прочих вкусных вещах. Часов в 5 вечера мы приехали к аулу урянхайцев, которые приняли нас весьма радушно. Подкрепили упавшие было силы жирным шашлыком и кумысом и наняли проводника, взявшегося провести нас к русским, живущим днях в трёх пути от этого первого становища урянхайцев на Ха-кхеме.

Наконец-то наше блужданье по Ха-кхему кончилось! Даже не верилось, что мы идём по дороге. Через три дня мы были уже на русской заимке Потылицыных на берегу Ха-кхема. Под гостеприимным кровом наших соотечественников все трудности пути были скоро забыты, и три дня отдыха у русских прошли незаметно. Так как мне необходимо было торопиться с возвращением домой, то я решил ехать на село Верхнеусинское, а караван с обоими моими спутниками должен был идти на Бей-кхем, а оттуда, перевалив Саяны, в село Тунну. 31 июля мы распрощались, и я налегке без вьюка поехал вниз по реке Ха-кхему. 1 августа я был уже у русского купца Гер. Пав. Сафьянова, где отдохнул дня два, а 6 августа был в селе Верхнеусинском, откуда спустился на плоту по реке Енисею до города Минусинска, а отсюда к 20 августа добрался до города Иркутска. Караван мой вернулся значительно позже, претерпев много неприятностей при перевале через Саяны в такое позднее время, как начало сентября, когда уже все горы там покрыты глубоким снегом. Таким образом, наше с лишком трёхмесячное скитанье по Монголии и Урянхайской земле кончилось и можно подвести итоги нашим работам.

Экспедицией снято на карту 2900 вёрст пути, считая оба маршрута, мой и В.С.Михеева по реке Бей-кхему, определены anerоидами и гипсотермометрами высоты в 63 пунктах, произведены метеорологические наблюдения за всё лето, собрана коллекция по фауне позвоночных северо-западной Монголии и Урянхайской земли (15 видов млекопитающих, 147 видов птиц, 6 видов пресмыкающихся и земноводных и 10 видов рыб), коллекция бабочек и других насекомых (около 1000 экз.),

составлена карта распределения древесной растительности в Монголии, собран гербарий (600 экз.). Во всё время путешествия вёлся подробный дневник, заключающий в себе описание пути и наблюдения и заметки разного характера. Кроме того, моим спутником В.С.Михеевым собраны сведения о состоянии русской торговли в северо-западной Монголии и Урянхайской земле и вообще о положении русских в Монголии.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 525: 1996-1998

Заметки по орнитофауне Северного Устья в осенний период

Ю.А.Дубровский

Второе издание. Первая публикация в 1958*

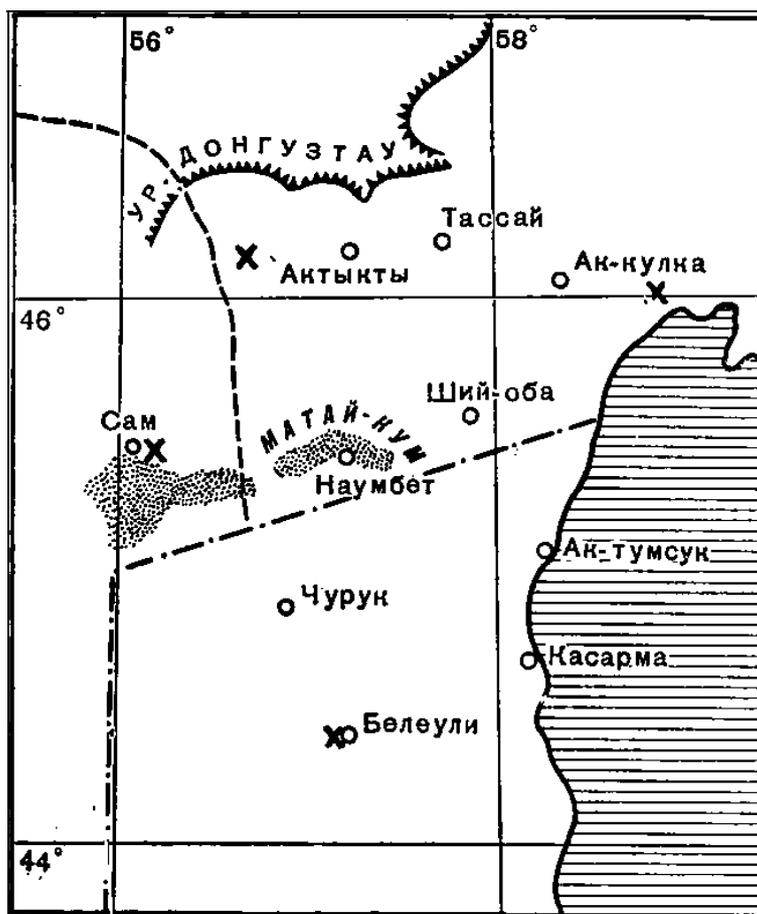
Относительно орнитофауны Устья в литературе сведений очень мало, поэтому мы считаем возможным сообщить наши небольшие наблюдения за птицами, сделанные при маршрутном обследовании Северного Устья 27 сентября – 14 октября 1954.

Наблюдения и учёт птиц велись с автомашины и во время кратких остановок в пути. На автмаршрутах учитывались жаворонки, каменки и трясогузки в полосе шириной около 20 м, затем вычислялось количество встреч на 10 км маршрута. Учёт проведён на 1306 км по территории от северного чинка Устья на юг до линии: метеостанция Чурук – Касарма (восточный чинк). Тушки добытых птиц хранятся в коллекции Араломорской противоэпидемической станции.

В однообразной полынно-бюргуновой и боялычево-бюргуновой пустыне наиболее многочисленны полевые *Alauda arvensis* и малые *Calandrella* sp. жаворонки: на 10 км маршрута отмечалось от 10 до 70 птиц, в среднем 25.8. Полевые жаворонки обычно встречаются поодиночке или небольшими стайками (5-10 особей), однако такие мелкие группы птиц часто находятся близко друг от друга: на протяжении 1-2 км встречается 20-50 жаворонков, а далее на несколько километров (до 10) их совершенно нет. Малые жаворонки, более многочисленные, чем полевые, как правило держатся крупными компактными стаями (от 15-20 до 100-150 особей). Из других жаворонков отмечены только

* Дубровский Ю.А. 1958. Заметки по орнитофауне Северного Устья в осенний период // Бюл. МОИП. Отд. биол. **63**, 4: 139-140.

небольшие стайки хохлатого *Galerida cristata* около зимовки Наумбет и метеостанции Чурук. Из каменок изредка встречалась пустынная *Oenanthe deserti*, гораздо чаще плясунья *O. isabellina*, вполне возможно, что были и молодые обыкновенные каменки *O. oenanthe*, практически не отличимые на расстоянии от плясуний. Общая численность каменок невелика, всего 0.2-1.0 особь на 10 км; распределены они довольно равномерно, встречаются поодиночке, иногда парами. Пролёт каменок, очевидно, идёт медленно, птицы день-два держатся на одном месте; так, при трёхкратном учёте на одном маршруте длиной 30 км каменки отмечались на одних и тех же местах.

Северо-восточный Устырт. Крестиками отмечены крайние точки обследования.

Около ферм, стоянок скота, у колодцев и на кладбищах почти всегда отмечались небольшие стайки белых трясогузок *Motacilla alba*, по 2-5 особей. Изредка они встречаются и в пустыне: 0.1-0.6 (среднее 0.3) особей на 10 км маршрута. Это обычно летящие птицы, причём при остановке автомашины трясогузки охотно садятся возле неё, кормятся и вскоре улетают.

Встречи других видов воробьиных большей частью регистрировались только при остановках около немногочисленных колодцев и кладбищ, которые являются для птиц и ориентирами при перелётах,

и местами с более обильным кормом, чем однообразные белополынные, бюргунники и боялычники; на кладбищах обычно более богатая растительность (кустарники среди могил), возле колодцев – следы недавних стоянок людей и скота. В таких местах встречены пеночка-теньковка *Phylloscopus collybitus* обычно поодиночке, иногда по 2-3, зяблик *Fringilla coelebs*, одиночные птицы, жёлтая трясогузка *Motacilla flava* (1 птица), варакушка *Luscinia svecica* (2 птицы), домовый *Passer domesticus* и полевой *P. montanus* воробьи (первый – 2 птицы, второй – 3 встречи поодиночке), обыкновенный скворец *Sturnus vulgaris* (одиночки и мелкие стаи), грачи *Corvus frugilegus* (стая около 50 птиц). В песках Матай-кум отмечена пустынная славка *Sylvia nana* (7 встреч).

10-13 октября отмечен ночной пролёт хрустанов *Charadrius morinellus*, в 30 км северо-западнее сора Асмантай-Матай большие стаи их (40 и 100 особей) встречены на днёвке. Возле колодца Актыкты 11 октября добыт клинтух *Columba oenas* из группы в 4 особи.

Несомненно, что перечисленные виды птиц не являются ландшафтными (гнездящимися) для территории Северного Устюрта, так как они малочисленны и отмечены на пролёте. Однако осенью они весьма характерны для этой территории, особенно жаворонки рода *Calandrella*, полевые жаворонки, каменки и белые трясогузки, отчасти пеночки-теньковки, и представляют как бы фоновые виды, определяющие облик пустынь Устюрта в этот период.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 525: 1998-1999

Осенняя встреча лебедя-шипунa *Cygnus olor* на Большом Алма-Атинском озере (Зайлийский Алатау)

Н.Н.Березовиков

Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Центр биологических исследований Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 4 ноября 2009

Известно, что многие виды водоплавающих и околоводных птиц, мигрирующие в горных системах Тянь-Шаня, используют для преодоления хребтов ущелья рек и перевалы. Одним из таких миграционных русел между озёрами Балхаш, Сорбулак и Иссык-Куль является

Большое Алма-Атинское ущелье в Заилийском Алатау (Северный Тянь-Шань). Поднявшись вверх по этому ущелью, мигранты затем через перевал высотой 3500 м над уровнем моря спускаются вниз по ущелью реки Чон-Кемин в Иссык-Кульскую котловину. Этим путём мигрируют многие птицы, включая уток, лебедей и больших бакланов *Phalacrocorax carbo*.

Во время однодневного посещения Большого Алма-Атинского озера (2500 м н.у.м) 7 ноября 1987 в его южной части мы наблюдали двух взрослых шипунов *Cygnus olor*, несомненно, остановившихся здесь на отдых во время перелёта на Иссык-Куль. В это время в ущелье и окружающих горах лежал уже давно выпавший снег, вдоль берегов имелись небольшие забереги. Ранее на этом же озере группы по 4 и 5 шипунов встречали 1-7 ноября 1973 (Ковшарь, Лопатин 1983).

Литература

Ковшарь А.Ф., Лопатин В.В. 1983. Сроки сезонных миграций птиц в субвысокогорье Заилийского Алатау // *Миграции птиц в Азии*. Алма-Ата: 66-76.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 525: 1999-2002

Гнездование чёрного дрозда *Turdus merula* и белобровика *T. iliacus* на Западном Алтае

В.П.Мищенко, Р.Ж.Байдавлетов

Второе издание. Первая публикация в 1987*

До последнего времени считалось, что чёрный дрозд *Turdus merula* в Восточном Казахстане изредка пролетает, но не гнездится. Так, известны отдельные встречи перелётных птиц в весеннее время под Семипалатинском и Усть-Каменогорском и их пролёт в Зайсанской котловине (Селевин 1929; Гладков 1954). На хребте Саур один экземпляр чёрного дрозда добыт В.А.Хахловым 5 октября 1918 (Гаврилов 1970). На Западном Алтае эта птица не была отмечена, считалось, что она здесь не гнездится (Кузьмина 1948, 1953; Сушкин 1938). Гнездование дрозда-белобровика *T. iliacus* на Западном Алтае также не было установлено. Известно лишь одно жилое гнездо, найденное Н.Н.Березовиковым (1981) в 1977 году на Южном Алтае в верховьях реки Бухтармы

* Мищенко В.П., Байдавлетов Р.Ж. 1987. Гнездование чёрного дрозда и белобровика на Западном Алтае // *Изв. АН Каз. ССР. Сер. биол.* 2: 34-36.

у посёлка Арчаты. Нам удалось получить доказательства гнездования на Западной Алтае обоих этих видов дроздов.

Чёрный дрозд *Turdus merula* Linnaeus, 1758

Проводя полевые исследования в Западном Алтае в 1979-1984 годах, мы были свидетелями заселения этого района чёрным дроздом. Если в первые годы эта птица нам не встречалась, то с весны 1982 года отмечалась регулярно. С 3 по 8 мая 1982 в долине речки Таловки (приток Белопорожной Убы) поющего самца мы видели в утренние и вечерние часы в разреженном пихтовом лесу. Птица проявляла агрессивность по отношению к другим дроздам – рябиннику *Turdus pilaris* и певчему *T. philomelos*, изгоняя их с занимаемого ею участка леса.

В мае-июне 1983 года чёрный дрозд наблюдался нами в долине реки Сакмарихи (левый приток Убы). Пара птиц регулярно встречалась в пойменном ивовом лесу у устья речки Абрамихи. Самец обычно пел в утренние и вечерние часы. Другую, поющую в это же время птицу, встречали в приречном ивняке у устья Сакмарихи, напротив горы Козьей. Е.Л.Марков 24 мая 1983 наблюдал одиночного чёрного дрозда в городе Лениногорске близ Алтайского ботанического сада АН КазССР. В это же лето пара дроздов отмечалась нами в 1.5 км выше устья речки Абрамихи. Так, вечером 21 и 23 июня видели птиц, собиравших корм (дождевых червей, гусениц и других беспозвоночных) на берегу и прибрежной косе речки Сакмарихи. Оба вечера чёрные дрозды с кормом улетали к одному и тому же месту, на противоположный берег реки в густой ивняк. Е.Л. и Л.Е.Марковы 19 мая 1984 наблюдали одиночного чёрного дрозда на Ивановском хребте в районе Кедровых озёр, выше границы леса. Наконец, 7 августа 1984 около 16 ч в ивняке у устья Сакмарихи мы встретили трёх чёрных дроздов, двое из которых были молодыми. В 2 км выше по реке Сакмарихе, в урочище Журавлиное Болото, в приречном ивняке 9 августа опять видели самку с двумя молодыми.

Белобровик *Turdus iliacus* Linnaeus, 1766

В долине реки Сакмарихи, близ устья речки Абрамихи, в мае-июне 1982 и мае 1983 года нам удалось обнаружить 5 гнёзд белобровика. У нижней кромки леса, на площади около 900 м², 31 мая 1982 найдена смешанная колония дроздов (три гнезда рябинника, два – певчего и одно – белобровика). Место их поселения представляло собой участок разреженного смешанного пихтового леса, захламлённого валежником. Гнездо белобровика расположено в завале нескольких старых пихт, у вершины высокого пня, в 2 м от земли, у основания боковых ветвей с южной стороны. В гнезде находилось 5 пуховых птенцов. В 2 км вниз по долине реки на участке смешанного пихтового леса с 20 по 31 мая

1982 постоянно наблюдали поющего самца белобровика. Почти полностью построенное гнездо обнаружено здесь 1 июня. Оно располагалось в 2.5 м над землёй, у основания толстой боковой ветви старой заломанной ветром ивы. Во время дождя самка сидела на гнезде, самец пел в 50-60 м в зарослях тальника. Спугнутая самка с криком покинула гнездо. В последующие дни пение самца прекратилось, гнездо осталось недостроенным.

На участке горелого сухостоя у нижней кромки леса 4 июня 1982 найдено третье гнездо белобровика. Оно находилось у ствола молодой сухой пихты в 3 м от земли, с западной стороны. Птенцы недавно покинули гнездо, в нём и рядом на ветвях был свежий помёт. Один из птенцов, очевидно, самый младший, был пойман под пихтой. Он ещё плохо летал, его размеры составляли, мм: клюв 13, крыло 70, цевка 27.5. У гнезда был добыт взрослый самец. Самку с остальными птенцами обнаружить не удалось.

На участке пойменного смешанного леса 24 мая 1983 нами найдено гнездо белобровика с 5 ещё слепыми пуховыми птенцами. Оно было расположено на перекрестии двух пихтовых лап в 64 см от ствола, на высоте 186 см и находилось в 10 м от прошлогоднего гнезда, брошенного недостроенным. Птенцы благополучно покинули гнездо 14 июня и на следующий день вместе со взрослыми птицами держались в районе его. Нами были добыты взрослый и молодой самцы. Самка с четырьмя слётками 20 июня встречена в 300 м от гнезда, а 24 июня их не удалось обнаружить в радиусе 500 м.

В пойменных тальниковых зарослях с отдельно растущими пихтами, берёзами и осинами 30 мая 1983 была добыта самка с большим наседным пятном. Неподалеку найдено гнездо с 6 птенцами, у которых начали разворачиваться пеньки маховых и рулевых перьев. За 5 мин самец трижды приносил корм. Гнездо располагалось на толстом наклонном стволе ивы в 40 см от земли, между молодыми вертикальными побегами. В радиусе 40 м найдены ещё четыре однотипных старых гнезда разной степени давности. Они находились в 20-30 м друг от друга и в 15-40 м от жилого гнезда, располагаясь в развилках стволов или у основания боковых ветвей ив на высоте 0.8-2.5 м.

Все найденные нами гнёзда дрозда-белобровика заметно отличались от гнёзд других видов дроздов, гнездящихся в данном районе. По размерам они схожи с гнёздами певчего дрозда (промеры 2 гнёзд, мм: диаметр гнезда 146×165 и 143×172, диаметр лотка 82×86 и 85×92), но отличаются строительным материалом. Певчий дрозд, как и рябинник, выкладывает массивное основание из древесного мха-бородача, широко распространённого в пихтовом лесу, а в гнёздах белобровика этого материала не было. Рыхлое основание и внешний слой гнезда состоят из грубых сухих стеблей травянистых растений.

Литература

- Березовиков Н.Н. 1981. Гнездование белобровика и певчего дрозда на Южном Алтае // *Орнитология* **16**: 152-153.
- Гаврилов Э.И. 1970. Чёрный дрозд // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **3**: 492-496.
- Гладков Н.А. 1954. Чёрный дрозд // *Птицы Советского Союза*. М., **6**: 464-471.
- Кузьмина М.А. 1948. Материалы по авифауне предгорий Западного Алтая // *Изв. АН КазССР*. Сер. зоол. **7**: 84-84-106.
- Кузьмина М.А. 1953. Материалы по птицам Западного Алтая // *Тр. Ин-та зоол. АН КазССР* **2**: 80-104.
- Селевин В.А. 1929. *Орнитологическая коллекция Семипалатинского музея*. Семипалатинск: 3-45.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., **2**: 1-436.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2009, Том 18, Экспресс-выпуск 525: 2002-2003

Новое о распространение клинтуха *Columba oenas* в Узбекистане

Р.Н. Мекленбурцев

Второе издание. Первая публикация в 1940*

В пределах Средней Азии клинтух *Columba oenas* гнездится далеко не повсеместно и заменяется в низменностях этой страны более приспособленным к пустынным условиям существования бурым голубем *Columba evermanni*. Литературные данные о характере пребывания здесь клинтуха невелики. На гнездовье клинтух был обнаружен лишь в горных лесах Тянь-Шаня от Кунгеса и Нарына до Ферганы. Далее к западу из системы Туркестанского и Зеравшанского хребтов с бассейнами рек Кашка-Дарья и Зеравшан он упоминается только в качестве пролётной птицы.

По собранным мною летом 1938 года сведениям, клинтух, безусловно, гнездится в Кашка-Дарьинской долине. Здесь он наблюдался в конце июля и первой половине августа в карагачёвых и тутовых рощах, разбросанных между кишлаками речной поймы. На гнездовье этих голубей указывают энергичное воркование самцов, приуроченность пар к небольшим участкам старых дуплистых деревьев и, наконец, добыча 6 августа 1938 хорошо летающего молодого. Помимо клин-

* Мекленбурцев Р.Н. 1940. Новое о распространение клинтуха *Columba oenas* в Узбекистане // *Тр. Узбекистан. зоол. сада*. Ташкент, **2**: 90.

тухов, в этих же местах гнездятся бурые голуби, аисты, туркестанские тювики, сороки, реже чеглоки и коршуны. Гнездящиеся пары клинтухов не образуют колоний, а как бы теряются между многочисленными бурими голубями. На Зеравшане клинтухи были отмечены 21 и 28 августа в районе кишлака Кара-Су держащимися на лёссовых обрывах среди сизых *Columba livia* и бурых голубей. Кроме того, клинтухи встречались в окрестностях Бухары в конце июля 1930 года, где они держались парами и небольшими обществами (выводками) по урюковым и тутовым садам.

В систематическом отношении кашкадарьинские клинтухи не вызывают никаких сомнений, так как добытый экземпляр по всем признакам подходит к расе *C. o. tianschanicus* Buturlin 1915 и при сравнении с экземплярами из Ферганского и Чаткальского хребтов оказывается неотличимым от них. Клинтух, добытый мной 26 мая 1931 в Туркестанском хребте у кишлака Рабат, напротив, принадлежит к типичной форме, так как нисколько не отличается по цвету от голубей из окрестностей города Чкалова и имеет небольшие размеры (крыло 210 мм). Условия, в которых птица была добыта (выбита из стайки в 3-4 особи, которые кормились на степной дороге вдали от древесных насаждений и лёссовых обрывов), заставляют предполагать не гнездовье, а запоздалый пролёт.

